

30. *Österreichisches Kriegsarchiv*. Chef des Ersatzwesens für die gesamte Bewaffnete Macht (KA, ChdE, Aktenkartons).

31. *Rauchensteiner M.* Der erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie. Wien; Köln; Weimar, 2013.

32. *Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1870 – 1876*. Wien, 1871 – 1878.

Об авторе

Сергий Чолий – ст. преподаватель, НТУУ «Киевский политехнический институт», Украина.

Email: gohoil@ukr.net

48

About the author

Serhiy Choliy, Senior Lecturer, National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Ukraine.

Email: gohoil@ukr.net

УДК 94(47)+316.452(1-21)«1914/18»

Я. А. Голубинов

ОЧЕРЕДИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ В 1914 – 1918 годах: К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Первая мировая война стала временем крупных социальных сдвигов в жизни российского общества, формирования новых социальных практик, позволивших городскому населению приспособиться к экстремальным условиям войны. Проанализирована социальная практика очереди «хвоста», которая, претерпев за годы войны определенную трансформацию, постепенно превратилась в своеобразный «культурный фокус», унаследованный советским обществом.

The First World War was the time of major social shifts in the life of Russian society, the formation of new social practices that allowed the urban population to adapt to the extreme conditions of the Great War. Queue (the «tail») was one of them, gradually transforming from one of the many social practices into the «focal point» of culture.

Ключевые слова: Россия, город, Первая мировая война, социальная практика, очередь.

Key words: Russia, the First World War, social practice, queue.

Период социальных потрясений – время становления новых форм общественных отношений, новых социальных групп, новых социальных практик. Войны и революции вынуждали представителей всех слоев общества искать новые пути выживания в ситуации политической и экономической нестабильности. Приспособление к новым условиям

существования в первую очередь отражается на повседневном быте (хорошим образцом анализа таких перемен в жизни «маленького человека» в эпоху бедствий является, например, книга И. В. Нарского [17]).

Думается, что данный тезис верен и в отношении эпохи Первой мировой войны. Исчезновение привычных продуктов питания и товаров широкого потребления с рынка (от перебоев с поставками до тотального дефицита и голода), ограничение в предпринимательской деятельности, досуге, передвижении и другие изменения давно устоявшихся социальных практик расшатали жизнь российского городского обывателя и заставили его искать новые *тактики выживания* (я пользуюсь здесь и далее термином Мишеля де Серто [26, с. 51]). Эти поиски (в данном случае их можно обозначить как «искусство решения практических задач в ситуации неопределенности» [14, с. 15]) не имели по большей части никакого отношения к политическим пристрастиям горожан, но служили простой задаче самосохранения в «экстремальную» эпоху. Одновременно власть навязывала горожанам определенные способы поведения и предписывала виды деятельности, необходимые для успешного ведения войны (это касалось всех общественных слоев, которые в той или иной степени были мобилизованы и подчинялись логике тотальной войны).

Естественно, подобная стратегия власти наткнулась на сопротивление в виде тактик выживания горожан, встретивших многие инициативы государственного аппарата в штыки (в конце войны в некоторых странах в буквальном смысле). В результате подобного конфликта возникли виды практик, новые и необычные как для власти, так и для обывателей.

Одним из таких видов оказалась известная всем нам очередь в магазин, продающий товары широкого потребления. Конечно, нельзя сказать, что очередь как социальный феномен была незнакома российским горожанам, но до Первой мировой войны она никогда не приобретала решающего значения для их повседневного выживания.

Очередь обыкновенно воспринимается как «неотъемлемая часть советской жизни (experience)» [33, р. 261]. Социолог Владимир Николаев отмечает, что последнюю «во всем ее своеобразии невозможно представить без постоянного стояния в разного рода очередях. Такой длительный, регулярный, массивный, значимый опыт не мог пропасть бесследно. Привычки, сформированные в очередях, осели в нашей памяти и сегодня продолжают проявляться в нашем поведении, пусть даже мы этого не осознаем» [18].

Немногочисленные исследователи — филологи-фольклористы [12, с. 378–437], историки [20], социологи и антропологи [23] — разделяют эту позицию. Феномен очередей в любой из периодов советской истории рассматривается как нечто само собой разумеющееся, постоянное. В каком-то смысле он действительно неизменен и имманентен советскому строю, но все же зародился еще до установления советской власти или, может быть, одновременно с нею. Так, Л. В. Беловинский отмечает, что генезис советских очередей («хвостов») как социального явления следует относить ко времени Первой мировой войны, но не заостряет на этом свое внимание [11, с. 445].

Очередь, естественно, не занималась самоописанием, поскольку подобная рефлексия не входила в круг ее задач. Всегда был необходим внешний наблюдатель, который зафиксировал бы сущность этого социального феномена. Но наблюдателям-современникам (да и позднейшим исследователям) очередь сама по себе казалась, видимо, чем-то мало важным, и сведения об очередях, точнее об их особенностях, в источниках скудны и фрагментарны.

Поэтому данное исследование опирается на довольно разнообразные источники. Значительная их часть была почерпнута из ранее опубликованных материалов, а также из базы данных «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ, основной корпус). Записи в последнем были привлечены, поскольку они довольно хорошо описывают постепенный процесс вхождения в язык новых элементов повседневного быта (и, следовательно, социальных практик).

Прежде всего следует сказать немного о самом слове «очередь» и его широко употреблявшемся в XIX — начале XX в. синониме «хвост». Определения в словаре В.И. Даля указывают на сходство их значений. Очередь — это «попосменность, последовательность одного за другим, попеременное следованье; принятый порядок следованья одного за другим» [29, с. 804]. У слова же «хвост» есть значение — «хвост или хобот народа (фр. "queue"), гусек, гусем, чреда. Толпа идет к кассе хвостом, хоботом, вернее гусем» [30, с. 562].

При этом, судя по данным НКРЯ, в XIX — начале XX в. слова «стоять» и «очередь» прежде всего встречаются в сочетании «стоять НА очереди» (например, «на очереди стоял вопрос о...»), тогда как в 1920-е гг. все чаще они оказываются рядом во фразе «стоять В очереди» (которая, как социальная практика, уже зримо представлена в жизни общества). Водоразделом в данном случае, видимо, оказывается Первая мировая война и, особенно, события 1917 г.

То, что очередь-«хвост» была знакома городским жителям России (по крайней мере в больших городах) и до Великой войны, несомненно. Пресса 1900—1910-х гг. сохранила свидетельства не только существования такого социального феномена, но и его довольно сложного устройства. Примеры употребления слов «очередь» и «хвост» из базы данных НКРЯ подтверждают это. В газете «Русское слово» в связи с ажиотажем вокруг оперной премьеры была помещена следующая заметка: «Сегодня открывается продажа билетов на "Бориса Годунова" с Шаляпиным в Большом театре. И уже вчера днем у театра стояла "очередь". Днем места в очереди перепродавались по 3 руб., около 10-ти часов вечера они "котирировались" уже не ниже 5-ти руб.» [27]. Другой пример также связан с деятельностью театров: «...в длинной веренице ожидающих очереди у кассы вам бросится в глаза десяток или полтора баб, также стоящих в очереди. Бабы время от времени выходят в коридор и возвращаются оттуда с какой-либо дамой или господином, который и становится за небольшую и смотря по количеству публики плату, на место бабы, а та снова устраивается в конец очереди и, очутившись ближе к кассе, вновь продает свое место... Судя по благосклонному отношению к ним швейцаров, можно заключить, что это жены и сестры низших

служащих в театре» [28]. В источниках есть и примеры употребления двух терминов одновременно. Как, допустим, во фразе: «У винной лавки, соблюдая строгую очередь, стоял длинный хвост» [15].

Нельзя не заметить сходства некоторых приемов функционирования очереди с приметами советского времени, описанными современными социологами. «Благодаря регулярному воспроизведению этих собраний людей в условиях "единства места и времени" они оформились в устойчивые конфигурации мыслей, взаимных чувств и взаимного поведения. <...> Это определенный паттерн взаимного поведения людей в связи с конкуренцией за доступ к тем или иным желаемым, но дефицитным благам, реализующийся там, где притязания одних на некое благо сталкиваются с притязаниями других и где иерархический порядок очередности делает шансы претендентов неравными» [18]. Подобные поведенческие паттерны приобрели в годы Первой мировой войны вид устойчивых социальных практик, уже не вызывающих никакого удивления со стороны прессы — она лишь фиксировала некоторые особо заметные проявления этого феномена.

На него обращали внимание прежде всего те, кто стоял в очередях. Так, например, в анонимном обращении к самарскому губернатору в июле 1916 г. говорилось, что «людям приходится ожидать очереди в 7 часов и не получивши сахара по карточкам, женщины оставивши детей безпризора приходят к Лавки 2–3 часа ночи что бы занять очередь и стоят несколько дней и не имеют возможности получить 2–3 фунта сахара...» (сохранена орфография оригинала) [3]. Обвинять в подобном положении вещей покупатели склонны были торговцев или же власти (в первую очередь полицию), которые ничего не сделали для того, чтобы обуздать спекулянтов [6]. Журналисты также видели в этом еще и результат пассивности самой публики, поскольку «население, не привыкшее и не приученное к общественности, не может в один миг приобрести навык к ней и потому — бессильно» [5]. Как итог: «наступили посты, появились "хвосты"» [7]. Они, «калачные хвосты, невидимо зарождаются еще во тьме ночи, и днем уже ни покупателей, ни калачей не увидишь» [8].

Московская газета «Раннее утро» подытожила в начале 1917 г.: «Вступая в 1916 год, мы еще не имели понятия о хвостах и даже совсем не "предчувствовали". Была дороговизна, но не было "хвостов". Обыватель приходил в лавку, в булочную, в молочную и получал что ему требовалось. К весне стали замечаться рост цен на продукты и первое появление "хвостов". Сначала они были "умеренных размеров", но по мере приближения к осени они стали расти и расти. "Хвосты" получили наименования. Были хвосты "мясные", "молочные", "хлебные", "яичные", а к концу года даже "денатуратные". Обыватели впряглись в "хвостовую повинность"; получение предметов первой необходимости превратилось в сплошную муку. Стояние в "хвостах" повело к увеличению простудных заболеваний, а в декабре был даже зарегистрирован случай смерти при стоянии в "хвосте". И в новый год мы вступаем при наличности "хвостов"» (цит. по: [25, с. 281]).

Характерный разговор в «хвосте» в начале 1917 г. стал яркой деталью в романе А.Н. Толстого, написанном в 1921–1922 гг., когда воспоминания о военной поре были очень свежи:

Подальше на тротуаре стояли, вытянувшись в линию, неподвижно человек сто – женщины, старики и подростки: очередь у продовольственной лавки. <...>

– Вчерась на Выборгской три лавки разнесли начисто, – сказал один голос.

– Только и остается.

– Я вчерась спрашиваю керосину полфунта, – нет, говорит, керосину больше совсем не будет, а Дементьевых кухарка тут же приходит и при мне пять фунтов взяла по вольной цене.

– Почему?

– По два с полтиной за фунт, девушка.

– Это за керосин-то?

– Так это не пройдет этому лавошнику, припомним, будет время.

– Сестра моя сказывала: на Охте также вот лавошника за такие дела взяли и в бочку с рассолом головой его засунули, – утоп он, милые, а уж как просился отпустить.

– Мало мучили, их хуже надо мучить.

– А пока что – мы мерзни.

– А он в это время чаем надувается.

– Кто это чаем надувается? – спросил хриплый голос.

– Да все они чаем надуваются. Моя генеральша встанет в двенадцать часов и до самой до ночи трескает, – как ее, идола, не разорвет.

– А ты мерзни, чаютку получай.

– Это вы совершенно верно говорите, я уже кашляю.

– А моя барышня, милые мои, – кокотка. Я вернусь с рынка, у нее – полна столовая гостей, и все они пьяные. Сейчас потребуют яишницу, хлеба черного, водки, – словом, что поглубее.

– Английские деньги пропивают, – проговорил чей-то голос уверенно.

– Что вы, в самом деле, говорите?

– Все продано, – уж я вам говорю – верьте: вы тут стоите, ничего не знаете, а вас всех продали, на пятьдесят лет вперед. И армия вся продана.

– Господи!

Опять чей-то застуженный голос спросил:

– Господин сторож, а господин сторож?

– Что случилось?

– Соли выдавать будут нынче?

– По всей вероятности, соли выдавать не будут.

– Ах, проклятые!

– Пятый день соли нет.

– Кровь народную пьют, сволочи.

– Ладно вам, бабы, орать – горло застудите, – сказал сторож густым басом [31].

Власти, конечно, обращали внимание на сложившуюся ситуацию и пытались как-то справиться с нею. Самарский губернатор, например, в ответ на вышеупомянутое обращение немедленно указал на проблему с сахаром городскому голове и поручил изменить порядок выдачи дефицитного продукта [4]. А современные исследователи отмечают, что «для облегчения положения москвичей, томившихся в "хвостах" на морозе, градоначальник Шебеко приказал предоставить им возможность

греться в помещениях кафе и прочих заведений, располагавшихся рядом с булочными» [25, с. 287]. Были и вполне успешные попытки бороться с «хвостами» силами полиции [25, с. 288].

К сожалению, непонятно, были ли востребованы довоенные методы продажи места в очередях, как это происходило в описанных выше случаях с театрами. На нечто подобное обращают внимание исследователи, говоря, что «были в "хвостах" и профессиональные покупатели — стайки мальчишек. Хорошо изучив расписание булочных, они умудрялись появляться к самой раздаче и отоваривались в числе первых. Хлеб эти ловкачи потом перепродавали по 25–30 коп.» (либо перепродавали стоявшим в конце очереди, либо разносили по домам) [25, с. 283]. Но все же это была, скорее, простая спекуляция, приспособленная под формат очереди. Однако в военных очередях не были замечены люди, которые продавали бы свои места. Видимо, дефицит товаров и повышение цен на них сделали невозможным подобный феномен, поскольку самим продавцам мест приходилось стоять за всем необходимым.

Также не совсем проясненным остается момент, связанный с организацией очередей. Доступные источники не содержат информации, например, о том, как устанавливалась последовательность в «хвосте»: была ли, как в советских очередях, запись или же, допустим, переключка? Цитаты выше свидетельствуют о том, что очереди собирались еще ночью или ранним утром, а значит, стоящие в них должны были по необходимости отлучаться из нее. Правда имеются свидетельства о том, что с углублением социально-политического и экономического кризиса все более изощренной становилась и практика стояния в очередях. Среди части московских «хвостцов», как свидетельствует Н. П. Окунев, в июле 1917 г. существовали соглашения, по которым они чередовались для «отпусков на кормежку и за "нуждой"» [19, с. 60].

Состав очередей поначалу был однороден, это были люди небольшого достатка — рабочие, служащие, прислуга. Для многих из них стояние в очередях и покупка продовольствия оказывались вопросом выживания. Женщины из таких семейств составляли основной контингент «хвостов». Так, газетные репортеры, обследовавшие в Москве район Большой Черкизовской улицы, на вопрос о взрослых в домах везде получали ответ: «Мать ушла в "черед"» (цит. по: [25, с. 497]). Семьи же, нанимавшие прислугу, имели возможность посылать ее в «хвосты». И процитированные реплики («моя генеральша встанет в двенадцать часов») из романа А. Н. Толстого находят соответствие, например, в дневниковых записях профессора М. М. Богословского: «Утром [22 октября 1916 г.] во время прогулки я заходил к А. П. Басистову. Был уже 12-й час, но они спали, а прислуга ушла, очевидно, стоять "в хвосте". Я едва дозвонился» [13].

Даже во время событий февраля 1917 г. «хвостцы» не забывали, что нужно делать, чтобы получить вожделенные продукты. Так, по словам историков, «единственной категорией москвичей, которую не увлек за собой поток спешивших к Городской Думе, оказались люди, стоявшие в очередях за хлебом. Они оставались на местах не потому, что сохранили верность царю... — покинув очередь, они могли остаться без хлеба»

[25, с. 520]. Журналист газеты «Утро России» потом сказал, что многие из людей шли, только «покончив свои дела в хвосте... держа под каждой рукой по две булки» (цит. по: [25, с. 521]).

Хвосты и при Временном правительстве оставались местом слухов и антиправительственных разговоров. Это с неудовольствием отмечали представители новой власти, рассчитывавшие на большую революционную сознательность народа. В рапортах все чаще мелькали слова о том, что «при получении населением муки и хлеба по продовольственным карточкам образуются у мест продажи большие хвосты, и бывают нередко случаи, когда жители, простояв в очереди несколько часов, хлеба и муки не получают за недоставлением таковых... В этих хвостах... наблюдается глухое недовольство Временным правительством и подстрекательство к беспорядкам» [2]. А газеты били тревогу: «Хвосты не приятны не только потому, что там приходится терять много дорогого времени и напрасно мерзнуть, но в них, благодаря всеобщему недовольству, рождаются мысли на несовершенство настоящего управления. В хвостах, как сказал один из видных социалистов, рождается контрреволюция» [1].

«Хвостцами» были запружены улицы, и, как говорил Н.П. Окунев, «по тротуарам идти сплошь не приходится. Он занят хвостами: молочными, булочными, табачными, чайными, ситцевыми и обувными» [19, с. 60]. Эти сборища народа по любому поводу тут же превращались в импровизированные митинги [19, с. 75]. Молодой эмигрант из России вспоминал много позже, что, поскольку он часто «стоял в очереди, дрожа, с карточкой в руках» и ему «не доставалось хлеба», он «стал вставать в 4 часа, а впоследствии с самого утра и то приходилось вставать двухсотым [человеком в очереди]; очереди доходили до того, что входили в переулки и бывали случаи, когда не находили конца» (цит. по: [9, с. 158]).

Людей в «хвостах» действительно становилось все больше. Те, кто был прежде освобожден благодаря прислуге от стояния в очередях, теперь вынуждены были из-за катастрофического дефицита выйти на улицы, чтобы занять свое место в этих длинных цепочках людей. Правда, некоторые домохозяйства даже в подобных экстремальных условиях пытались сохранить привычный уклад жизни. В сентябре 1917 г. М.М. Богословский отметил в дневнике, говоря об организации домового продовольственного комитета: «Так как население нашего двора состоит всего из 14 человек, то решили, что Вера одна и будет составлять комитет, а прислуги четырех квартир будут ходить за хлебом по очереди. Это упрощает дело и облегчит их труд, а хвосты у булочных, конечно, сократятся. В больших домах комитеты нанимают особого человека, который ходит за хлебом, доставляя хлеб на весь дом» [13].

У горожан появилась своеобразная привычка высматривать очереди, в которых можно было бы купить что-то необходимое. М.М. Пришвин весьма примечательно проиллюстрировал такой способ: «Знакомые барышни стоят в очереди за хлебом: — Вы как сюда попали? — Мы шли на выставку Союза художников, смотрим, очередь коротенькая, и стали. Мы всегда, как увидим коротенькую очередь, за чем бы ни шли — остановимся» [21, с. 368].

Очереди заставляли людей не только большую часть времени проводить на улицах, но также изменять домашний уклад, например время приготовления и приема пищи. Отставной генерал Ф.Я. Ростковский, живший в Петрограде, в марте 1917 г. оставил запись в дневнике, что из-за очередей в лавках «уже месяца два пекут белый хлеб дома. Черный хлеб тоже некоторое время пекли дома, но теперь уже покупаем» [24, с. 72].

Вслед за «хвостами» в лавки и магазины, продававшие продукты первой необходимости, образовались очереди и в другие места: в театры, кино, газетные киоски и, наконец, в бордели. Последняя ситуация производила большое впечатление на современников. Один из них, например, отмечал, что «около этих домов ждет очереди бесконечная вереница солдат, подобно тому как ждут очереди при раздаче сахара по карточкам» [10, с. 19]. А.М. Ремизов потрясенно писал, что «в Саратове на Петинной улице спозаранку образывались хвосты — очередь перед публичными домами — публичные солдатские хвосты» [22, с. 56–57].

Очередь в эти годы стала преследовать горожан всюду. Именно ко времени 1917–1920 гг. современный исследователь относит анекдот про старуху, которая, «увидев ряд остановившихся трамваев», кричит: «До чего дожили! Даже трамваи в очередь становятся!» [16, с. 572]. А дети, не уступая в наблюдательности взрослым, указывали в своих записях на «назревание революции в очередях» [9, с. 150] или играли в них. Уехавший вместе с семьей за границу мальчик вспоминал потом, как однажды они «с братом налепили из разноцветной глинки людей, сделали город из кубиков», и в этом «маленьком городе были те же волнения: слепленные куколочки стояли в очередях за хлебом, а солдатски бунтовали» (цит. по: [32]).

Таким образом, очередь прочно заняла свое место в ряду других тактик выживания в военное время. С кооперативами и системой отоваривания по карточкам ее роднило сходство в организации участников. Как кооперативы и карточная система становились все сложнее в организационном плане, так и очереди приобретали все новые дополнительные методы самоорганизации и координации. Кроме того, их связывало то, что кооперативы и карточки создавались, в принципе, как средство борьбы с очередями, но не смогли их победить и были вынуждены даже в какой-то мере подстроиться под них.

Другой тип общественной организации, предназначенной для обеспечения продовольствием городского населения, — мешочничество — тоже имеет много сходных черт с очередью. Мешочничество, судя по всему, и рождается как естественное продолжение метода командирования одного-двух человек со двора или дома в очереди за хлебом. Когда хлеба в лавках не стало, то пришлось отправляться дальше — в сельскую местность, командировки начали занимать больше времени.

Именно очереди стали катализатором и самого экстремального способа самоснабжения городских масс — продовольственного погрома, выступившего результатом неэффективности очередей, кооперативов, карточек и мешочничества. В 1917–1918 гг. очередь просто перестает подчиняться всяким социальным правилам и превращается при всяком удобном случае в толпу, готовую громить.

Также очередь была эффективным способом социальной коммуникации и одновременно генератором самых различных слухов. Разговоры в очередях не прекращались и велись на самые животрепещущие темы.

Все это делает очередь эпохи Первой мировой войны чрезвычайно советской по духу, особенно это заметно по мере углубления продовольственного кризиса. Обыватели учатся специфическим практикам добычи дефицитных продуктов, а очередь постепенно становится «культурным фокусом», то есть феноменом, «который придает культуре ее особый акцент, позволяет постороннему ощутить ее особый, отличительный аромат и охарактеризовать в нескольких словах ее сущностную ориентацию» [18]. Очередь становится своеобразным местом памяти, унаследованным советским обществом из дореволюционной эпохи, пусть и из самого ее «хвоста».

Список источников и литературы

1. № 141. Статья «К уничтожению хвостов» об очередях в г. Сызрани Симбирской губернии, 12 сентября 1917 г. // Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.) : сб. док. и матер. / сост. Е.Ю. Семенова. Самара, 2011. С. 237.
2. № 146. Из рапорта Начальника Костромской городской милиции №3477 от 25 сентября 1917 г. Костромскому губернскому комиссару о настроении населения // Там же. С. 239.
3. № 51. Записка, адресованная Самарскому губернатору от жителя Самары о положении продовольственного дела в городе, от 5 июля 1916 г. // Там же. С. 171.
4. № 52. Записка Самарского губернатора А.А. Станкевича Самарскому городскому голове С.Е. Пермякову от 5 июля 1916 г. // Там же. С. 173.
5. № 56. Статья «Дороговизна овощей и пр.» о дороговизне в Астрахани, 9(22) августа 1916 г. // Там же. С. 177.
6. № 58. Статьи о спекуляции в Астрахани, опубликованные в газете «Астраханский листок» 13 августа 1916 г. // Там же. С. 178.
7. № 59. Заметка «Новые русские пословицы» о развитии спекуляции, 30 августа 1916 г. // Там же. С. 179.
8. № 89. Заметка «У булочных» о снабжении хлебом в г. Сызрани Симбирской губернии, 18 января 1917 г. // Там же. С. 201.
9. Аксёнов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
10. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998.
11. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь истории советской повседневной жизни. М., 2015.
12. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001.
13. Богословский М.М. Дневники. 1913–1919. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. URL: http://russiahistory.ru/download/library/Мемуары,_воспоминания/Богословский%20М.%20Дневники%201913–1919.pdf (дата обращения: 04.02.2016).
14. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.

15. Вольнов И. Е. (Владимиров И. Е.). Повесть о днях моей жизни (1912) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2016).
16. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014.
17. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
18. Николаев В. Советская очередь: Прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас. 2005. №5(43). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/ni11-pr.html> (дата обращения: 04.02.2016).
19. Окунев Н. П. Дневник москвича: 1917–1924: в 2 кн. М., 1997. Кн. 1.
20. Осокина Е. А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. №5(43). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/oso10.html> (дата обращения: 04.02.2016).
21. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. СПб., 2007.
22. Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихренная Русь. М., 2000.
23. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. №5(43). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/ro12.html> (дата обращения: 04.02.2016).
24. Ростковский Ф. Я. Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М., 2001.
25. Руза В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011.
26. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб., 2013.
27. Театр и музыка (1908.10.24) / «Русское слово», 1908 // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2016).
28. Театры (1908.12.15) / «Русское слово», 1908 // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2016).
29. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1881. Т. 2.
30. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1882. Т. 4.
31. Толстой А. Н. Хожение по мукам. М., 1976. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/tolstoy_an1/04.html (дата обращения: 04.02.2016).
32. Цуриков Н. Дети эмиграции // Дети эмиграции. Воспоминания. Публикуется по изданию – Прага, 1925. М., 2001. URL: <http://rus-sky.com/history/library/vospominania/> (дата обращения: 04.02.2016).
33. Zemtsov I. Encyclopedia of Soviet Life. New Brunswick; L., 2001.

Об авторе

Ярослав Анатольевич Голубинов – канд. ист. наук, доц., ГБОУ ВПО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава РФ.

Email: i.golubinov@gmail.com

About the author

Dr Iaroslav Golubinov, Associate Professor, Samara State Medical University.

Email: i.golubinov@gmail.com